

Кожа Ло Инбая была молочно-белой, и даже после большей части лета она не загорела. Обычно, будучи одетым, он казался стройным, но теперь, сняв рубашку, можно было увидеть четкие и подтянутые линии его тела. Мускулы были выражены, но не чрезмерно.

Ся Сяньнин взглянул на него и тут же отвел глаза. Ло Инбай быстро надел одежду, но даже после того, как Ся Сяньнин отвлекся, в его голове оставалось только что увиденное.

Они с детства спали в одной кровати и купались в одной ванне. Даже если Ло Инбай раздевался, Ся Сяньнин видел это не раз. В обычной ситуации это не должно было вызывать никаких мыслей, но, осознав свои чувства, он начал воспринимать даже такой обычный поступок иначе.

Ся Сяньнин не мог не вспомнить, как в последний раз его рука касалась этой кожи — гладкой, нежной, слегка прохладной в летнюю жару, постепенно согреваясь от его прикосновений...

Ся Сяньнин вдруг резко развернулся и вошел в ванную.

Ло Инбай обернулся как раз в тот момент, когда дверь с грохотом захлопнулась. Он не удержался от вопроса:

— Сяньнин, ты что делаешь? Я хочу принять душ, почистить зубы и лечь спать!

Ся Сяньнин ответил изнутри:

— Подожди, я тоже хочу помыться.

Ло Инбай попытался открыть дверь, но обнаружил, что она заперта. Изнутри доносился звук текущей воды. Он сказал:

— Я могу чистить зубы, пока ты моешься! Дай мне войти!

Ся Сяньнин ответил:

— Это будет мешать. Мешать моему процессу.

Ло Инбай рассмеялся:

— Разве нужно кувыркаться и крутиться, чтобы помыться? Какой еще процесс?

Ся Сяньнин проигнорировал его и погрузился в ванну, наполненную холодной водой.

В его маленькой квартире не было ничего интересного, всего одна комната и ванная, так что Ло Инбаю пришлось ждать в гостиной. Ему стало скучно, и он подошел к двери ванной, прислонившись к ней:

— Сяньнин, ты уже закончил?

Ся Сяньнин ответил:

— ...Я только что зашел, прошло меньше минуты.

— Сегодня ты очень злой.

Ло Инбай с преувеличенным удивлением продолжил:

— Ты же говорил мне: «Ло Инбай, я тебя люблю». Это был тот же человек? Говорят, что, получив что-то, начинаешь терять интерес. А ты, похоже, после признания забыл обо всех. Сяньнин, ты действительно негодяй.

Ся Сяньнин промолчал. Он еще ничего не получил.

Ло Инбай с улыбкой в глазах и легким тоном произнес: «Ты действительно негодяй», но в его голосе не было никакой строгости, только легкая игривость, которая, проникая через дверь ванной, достигла ушей Ся Сяньнина.

Ся Сяньнин резко заметил:

— Тебе скучно, потому что телефон разрядился? В ящике под телевизором есть зарядка.

Ло Инбай ответил:

— ...Фу, не буду заряжать. Кто сказал, что я хочу заряжать... А, кстати, Сяньнин, ты ведь обещал сегодня спеть мне!

Ся Сяньнин, видимо, уже был на грани, и снова проигнорировал его. Ло Инбай улыбнулся, тихо подключил зарядку, и вдруг из ванной раздался тихий напев Ся Сяньнина.

Дверь ванной была украшена ажурными узорами и не была звуконепроницаемой, поэтому, хотя голос Ся Сяньнина был негромким, Ло Инбай слышал его совершенно четко.

Он пел старую песню под названием «Счастливая звезда»:

«...Каждый раз, когда я страдаю и злюсь, ты говоришь мне, что нельзя падать, и мы никогда не должны говорить «прости»...

...Каждый раз, когда я не вижу будущего, каждый раз, когда я хочу сдаться, я вспоминаю, что не могу подвести тебя, и моя любовь становится сильнее...»

Его голос был низким и мелодичным, с нотками ностальгии, но без грусти.

Ло Инбай, прислонившись к стене, слушал, засунув руки в карманы, с легкой улыбкой на лице. Ся Сяньнин с первого взгляда казался строгим и холодным, но Ло Инбай знал, что он умел многое, и пел он тоже хорошо.

Однако, немного увлекшись, Ло Инбай вдруг осознал одну вещь — Ся Сяньнин зашел в ванную, чтобы помыться, а не чтобы петь. Но почему он слышит пение, а не звук воды?

Ло Инбай почувствовал что-то неладное и, обеспокоившись, решительно толкнул дверь. Замок ванной сдался, и дверь распахнулась. Ся Сяньнин, сидящий в ванной, явно был удивлен его поступком.

Он спросил:

— Что случилось?

Ло Инбай подбежал, провел рукой по воде в ванной и обнаружил, что она холодная, а вода не была прозрачной — в ней была легкая краснота.

Он нахмурился:

— Я знал, что с тобой что-то не так! Что ты тут делаешь? Где ты ранился? Почему ты лежишь в воде с кровью!

Ло Инбай присев на корточки, облокотился на край ванной, его лицо выражало беспокойство. Ся Сяньнин, будучи без одежды, с обнаженным торсом, чувствовал себя неловко под его «чистыми и невинными» большими глазами. Он сказал:

— Просто поцарапал спину, рана не в воде, это кровь вокруг раны. Выйди, я скоро закончу.

Ло Инбай заметил, что с груди до спины Ся Сяньнина была обернута специальная водонепроницаемая повязка, видимо, рана была именно там. Неудивительно, что он так спешил первым принять душ. Судя по его голосу, рана была несерьезной, но и не легкой, иначе Ся Сяньнин не стал бы скрывать это.

Ло Инбай сказал:

— Куда я выйду? Лучше ты вылезай из воды! Она уже холодная, дай мне посмотреть рану.

Он протянул руку, чтобы потрогать повязку на груди Ся Сяньнина:

— Ты мазал рану? Болит? Как ты мог быть таким неосторожным!

В такой ситуации кто бы мог чувствовать боль? Ся Сяньнин, уже и так едва сдерживавший свои эмоции, после того как Ло Инбай невольно его спровоцировал, почувствовал, как огонь внутри него разгорается с новой силой.

Он чувствовал, что, если рука Ло Инбая продолжит бродить по его телу, он не сможет себя сдерживать. Но сегодня он не был готов, у него не было опыта, и он не знал, не причинит ли это Ло Инбаю боль. Все эти эротические рассказы, которые он читал, оставили в нем глубокий след.

Каждый раз, когда он думал об этом, в его голове возникали фразы вроде «рыдая от боли», «умоляя о пощаде», «невыносимая боль», и даже однажды он наткнулся на фразу «кровь текла рекой», которая оставила в нем неизгладимое впечатление.

Поэтому он не решался действовать, тем более что дома ничего не было подготовлено, и безопасность не была гарантирована. Ся Сяньнин сказал себе, что сегодня нужно терпеть.

Ло Инбай спросил:

— С твоей грудью вроде все в порядке? А спина? Дай мне посмотреть.

Ся Сяньнин вдруг схватил руку Ло Инбая, которая двигалась по его груди, и прижал ее к своему сердцу. Повязка соскользнула в воду.

Ло Инбай сказал:

— Эй, повязка упала, вставай, а то рана намокнет.

Он потянул Ся Сяньнина:

— Почему ты не двигаешься? Ты что, превратился в русалку?

Ся Сяньнин, держась за руку Ло Инбая, слегка покачнулся и, поддерживая себя другой рукой, чуть не вздохнул.

Он, не выдержав, схватил руку Ло Инбая и опустил ее в воду.

Ло Инбай удивился, но понял, что Ся Сяньнин не собирался поднимать мокрую повязку, а подвел его руку к чему-то горячему и напряженному.

— Сяньнин...

Ло Инбай, будучи мужчиной, сразу понял, что происходит. Его разум, наконец, догнал ситуацию, и румянец распространился от его ушей до щек. Он попытался отдернуть руку, но

Ся Сяньнин не отпускал.

Ло Инбай прикусил губу и тихо сказал:

— Ты серьезно...

По выражению лица Ся Сяньнина было невозможно понять, что он сейчас думал. Он взглянул на Ло Инбая, слегка вздохнул, наконец отпустил его руку, но обнял его за талию и резко притянул к себе.

Вода в ванной плеснулась, и они оказались лицом к лицу, их дыхание смешалось.

Ло Инбай, еще минуту назад шутивший и улыбающийся, теперь чувствовал себя неловко из-за слишком близкого расстояния и явного чувства в глазах Ся Сяньнина.

<http://bllate.org/book/15511/1396308>